

— доктор филологических наук, декан филологического факультета Воронежского государственного университета.

**«ВОССТАНОВЛЕНИЕ» РОССИИ
(И.А. БУНИН И РУССКОЕ
ЗАРУБЕЖЬЕ 1920 — 1930-Х ГОДОВ)**

И.А. Бунин интересен сегодня как «старший из писателей, открывающих в нашей литературе двадцатый век»¹. Для мировой культуры особенно значимым является тот факт, что И.А. Бунин первым из русских писателей удостоен Нобелевской премии, полученной им в 1933 году за роман «Жизнь Арсеньева». В этом отношении Бунин действительно открывает для читателей XX век как особую литературную эпоху, подарившую миру блистательную плеяду русских классиков этого «неклассического» века.

В период Серебряного века, когда началась его литературная деятельность, Бунин был достаточно известным писателем, дважды удостоенным Пушкинской премии, но его известность, даже после публикации повести «Деревня» (1910), не могла сравниться с популярностью М. Горького и Л.Н. Андреева, не говоря уже о писателях и поэтах модернизма, доминировавшего тогда в литературе.

Именно эмигрантский период творчества И.А. Бунина в значительной мере изменил его статус в русской литературе. В культурном пространстве русской эмиграции — даже до появления его «Солнечного удара», «Митиной любви», «Жизни Арсеньева» — Бунин сразу стал воспринимать-

Olga Berdnikova

— docteure ès Lettres, doyenne de la Faculté des Lettres de l'Université d'Etat de Voronej.

**«RENAISSANCE» DE LA RUSSIE
(I. A. BOUNINE ET L'ÉTRANGER
RUSSE DES ANNÉES 1920—1930)**

I. A. Bounine est intéressant pour notre époque comme «le plus aîné des écrivains ouvrant à notre littérature le XXème siècle»¹. Pour la culture mondiale il est surtout important en tant que le premier auteur russe ayant reçu en 1933 le prix Nobel de littérature pour son roman «La Vie d'Arseniev». Ainsi I. A. Bounine ouvre aux lecteurs le XXème siècle comme une époque littéraire tout à fait particulière qui a offert au monde toute une pléiade des écrivains classiques de ce temps avant-gardiste.

Pendant la période du Siècle d'argent, quand son activité créatrice a commencé, Bounine était assez reconnu et avait déjà obtenu deux fois le Prix Pouchkine, mais sa gloire n'était point comparable, même après la publication de la nouvelle «Le Village» (1910), avec la gloire de M. Gorki ou L. Andreev sans parler de

celle des poètes et des écrivains modernistes dominant alors dans la littérature.

C'est la période d'émigration dans son oeuvre qui a largement changé son statut dans la littérature russe. Dans le champ culturel de l'émigration russe Bounine a été tout de suite accueilli comme «le premier écrivain russe contemporain»², «le premier auteur des belles lettres de la modernité»³ et tout cela même avant la publication de ses «Coup de soleil», «L'Amour de Mitia» et «La Vie d'Arseniev». Un tel statut rendu plus solide par le prix Nobel sera préservé par Bounine jusqu'à la fin de sa vie.

Les questions principales posées par de nouvelles conditions historiques aux émigrés russes concernaient, pendant les premières décennies du XXème siècle, le problème du «cataclysme russe de 1917» (G. Nivat) et celui de l'héritage de la Russie dans ses aspects historique, spirituel et culturel. Ce phénomène explique en large partie une naissance et un développement rapide de nombreux mouvements philosophiques et sociaux tels que, par exemple, un groupement autour du recueil *Changement de jalons* (Smena vekh) ou le mouvement de l'eurasisme, la plupart des journaux et des revues russes, un nombre considérable d'oeuvres littéraires. L'émigration russe a réalisé assez rapidement son unité et a commencé à se penser comme un «or-

¹ Вейдле В.В. На смерть Бунина // Опыты. Нью-Йорк. 1954. № 3. С. 92–93.

¹ Veidle V.V. I.A. Bunin «Lika» // Russkie zapiski. 1939. № 3. 1 iunija.

² Tsetlin Mikh. Ivan Bunin. Roza Ierikhona // Literatura russkogo zarubezh'ia. Antologija v shesti tomakh. T.1. Kn. 2. — M.: «Kniga», 1990. S. 358.

³ Anton Krainii. Polet v Evropu // Literatura russkogo zarubezh'ia. Antologija v shesti tomakh. T. 1. Kn. 2. — M.: «Kniga», 1990. S. 368.

ся как «первый современный русский писатель»², «первый в современности художник-беллетрист»³. Такой статус в литературе русского зарубежья, подтвержденный вручением ему Нобелевской премии, писатель сохраняет вплоть до своей кончины.

Основные вопросы, вставшие перед русской эмиграцией в новых исторических условиях жизни в Европе в первые два десятилетия ее существования, были связаны с осмыслением «русского катаклизма 1917 года» (Ж. Нива) и наследия России в историческом, духовном и культурном аспектах. Именно этим можно объяснить столь быстрое появление целых философских и общественных движений, таких как сменовеховство и евразийство, большого числа русских газет и журналов, значительных художественных произведений. Русская эмиграция достаточно быстро осознала себя единым национальным, духовным и культурным «организмом» и задумалась о своем предназначении: показательно, что Бунин был первым, кто вполне четко и определенно обозначил это предназначение в лекции «Миссия русской эмиграции» (1924), вызвавшей бурную полемику в эмигрантских кругах.

Исключительную бескомпромиссность и непримиримость писателя по отношению к большевикам — по Бунину, главную миссию русской эмиграции — Михаил Цетлин объявляет «культурным подвигом»⁴, обусловленным «классицизмом» писателя, то есть верностью классической традиции русской литературы. Можно добавить, это был и духовный подвиг Бунина, для которого неприемлема замена «Синайских скрижалей и Нагорной проповеди, древних Божеских уставов» «чем-то новым и дьявольским»⁵, что в полной мере осуществляла большевистская власть в уже советской России.

«Россия! Кто смеет меня учить любви к ней?» — этим гневным восклицанием Бунин ответил своим оппонентам — критикам и публицистам русской эмиграции, упрекавшим его в жесткости оценок русского народа. Объясняя, что есть истинная любовь к Родине, Бунин сочувственно цитирует по этому поводу слова Вл.С. Соловьева: «Патриотизм есть желание блага целому — народу, государству, отечеству... Но в чем именно благо отечества? Сам по себе патриотизм может быть источником и добра, и зла... Нужно еще патриотическое сознание, различающее истинное благо оте-

ganisme» uni, spirituel et culturel tout en réfléchissant à son destin: Bounine était, d'ailleurs, parmi les premiers à préciser sa prédestination dans sa conférence «La Mission de l'émigration russe» (1924) qui a provoqué une discussion virulente dans les cercles des émigrés.

M. Tsetlin appelle cette intransigeance sans compromis envers les bolcheviks (ce qui constituait selon Bounine la mission principale de l'émigration russe) «un exploit culturel»⁴, causé par le «classicisme» de l'écrivain, à savoir par sa fidélité envers la tradition classique de la littérature russe. Nous pourrions y ajouter qu'il s'agissait alors d'un exploit spirituel de Bounine, pour lequel il était insupportable de troquer «les Tables de la loi du Mont Sinaï et le Sermon sur la montagne» contre «quelque chose de nouveau et diabolique»⁵, ce que les autorités en Russie soviétique mettaient parfaitement en place.

«Russie! Qui oserait m'apprendre à l'aimer?!» — ainsi s'adressait Bounine courroucé et offensé à ses opposants, critiques et publicistes de l'émigration russe qui lui reprochaient d'être trop sévère dans ses jugements sur le peuple russe. Expliquant qu'il existait un vrai amour envers la Patrie, Bounine citait V. S. Soloviev: «Le patriotisme est le souhait du bonheur à quelque chose

d'entier — au peuple, à l'Etat, à la Patrie... Mais en quoi ce bien de la Patrie consiste-t-il? Le patriotisme lui-même peut être la source du bien ou du mal... Il faut avoir une conscience patriotique qui distingue le bien vrai de la patrie du bien faux... Il nous faut toujours développer ces principes vraiment nationaux dont l'avènement radieux fut promis par la Rus' de Kiev...»⁶ (italiques de V. S. Soloviev — O.B.).

Ayant une position morale intransigeante et des principes politiques bien déterminés, Bounine n'a pas pu accepter dès ses premiers essais la littérature soviétique ce qui a amené l'écrivain à distinguer une vraie littérature russe, celle des temps passés, et une pseudo-littérature, celle du nouvel Etat. Un vrai écrivain, un écrivain véritable, selon la logique de Bounine, se nourrit de la source spirituelle, génétique, historique, culturelle et nationale dont A. K. Tolstoï a trouvé une métaphore parfaite, celle de la ville légendaire de Kitej (voir son poème célèbre). Voilà pourquoi, d'après Bounine, «les vrais poètes sont toujours et si souvent des «conservateurs», c'est-à-dire, les gardiens et les adeptes du passé. Ainsi les traditions sont-elles sacrées pour eux, ainsi les poètes sont-ils les ennemis de l'abattage forcé et violent de l'Arbre de la vie sacré»⁷. La nouvelle

2 Цетлин М.С. Иван Бунин. Роза Иерихона // Литература русского зарубежья: в 6 т.

Т. 1. Кн. 2. М.: Книга, 1990. С. 358.

3 Крайний А. Полет в Европу // Там же. С. 368.

4 Цетлин М.С. Иван Бунин. Роза Иерихона. С. 359.

5 Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Иван Бунин. Окаянные дни. Воспоминания.

Статьи. М.: Советский писатель, 1990. С. 352.

4 Anton Krainii. Polet v Evropu // Literatura russkogo zarubezh'ia. Antologija v shesti tomakh. T. 1. Kn. 2. —

М.: «Kniga», 1990. S. 359.

5 Bunin I.A. Missiia russkoi emigratsii // Ivan Bunin. Okaiannye dni. Vospominaniia. Stat'i. — М.: «Sovetskii pisatel'», 1990. S. 352.

6 Bunin I.A. Inoniia i Kitez // Ivan Bunin. Okaiannye dni. Vospominaniia. Stat'i. — М.: «Sovetskii pisatel'», 1990. S. 362.

7 Bunin I.A. Inoniia i Kitez // Ivan Bunin. Okaiannye dni. Vospominaniia. Stat'i. — М.: «Sovetskii pisatel'», 1990. S. 369.

чества от ложного. <...> Нам нужно развитие тех христианских истинно-национальных начал, что было обещано светлыми явлениями Киевской Руси...»⁶ (курсив Вл.С. Соловьева. — О.Б.).

Четкость политической и нравственной позиции обусловила неприятие Буниным первых литературных опытов советской литературы, что привело к идее о разделении русской литературы на прошлую — истинную русскую литературу и новую — псевдолитературу. Истинный, подлинный писатель, по логике Бунина, произрастает из духовной, генетической, родовой, исторической, национальной, культурной укорененности, метафорой которой является для него «Китеж» (легендарный русский город из поэмы А.К. Толстого). Вот почему, объясняет Бунин, «так часто и бывают истинные поэты так называемыми “консерваторами”, то есть хранителями, приверженцами прошлого. <...> И оттого-то так священны для них традиции, и оттого-то они и враги насильственных ломок священной растущего древа жизни»⁷. Новая советская литература, обозначенная Буниным метафорой из одноименной поэмы С.А. Есенина — «Инония» и созданная порвавшими с традицией «Иванами, родства не помнящими», истинной литературой, по мнению писателя, не является.

Однако многие критики и публицисты русского зарубежья не разделяли жесткую и непримиримую позицию И.А. Бунина. Так, Николай Авксентьев в статье «Patriotica» пишет: «Большой русский писатель И.А. Бунин недавно написал, что испытывает горькую радость, что хоть в одном была милостива к нему судьба: “Избавила меня <...> от позора и муки дышать одним воздухом с хозяевами «красной» России”». Но, комментирует Авксентьев, «этот воздух» — «воздух нашей родины. Им дышит, содрогаясь и испытывая крестные муки, Россия. <...> Мука — не дышать им, этим священным воздухом»⁸.

Вызывало несогласие и стремление Бунина отмежеваться от новой литературы. Не делил русскую литературу Владислав Ходасевич, считая, что литература «единая в пространстве и во времени». Марк Слоним писал по поводу новой — советской — литературы, оценивая ее десятилетний «юбилей»: «Нет никакой пролетарской литературы. Есть только русская литература»⁹. В этом обнаруживает себя стремление русской эмиграции сохранить — хотя бы на культурном уровне — национальное единство, литературную традицию.

Вместе с тем достаточно рано русская эмиграция осознала основные трудности существования и развития литературы в чужой культурной и языковой среде. В статье «О положении

литературы советской, номmée par Bounine d’après la métaphore du poème de S. Essénine «Inonia», n’est pas une vraie littérature selon Bounine parce qu’elle est créée par les «Ivans ne se rappelant point la parenté».

Pourtant nombreux critiques et publicistes de l’étranger russe ne partageaient point la position intransigeante et stricte de I. A. Bounine. Ainsi, Nikolaï Avksentiev dans son article «Patriotica» dit le suivant: «Le grand écrivain russe I. A. Bounine a écrit il n’y a pas longtemps qu’il ressent une joie amère que son destin ne lui a été favorable que dans une seule chose: «de m’avoir épargné de l’infamie et le supplice de respirer le même air avec les maîtres de la Russie «rouge»». Mais Avksentiev commente: «cet air est l’air de notre patrie. C’est la Russie qui le respire, tout en tremblant et en éprouvant des supplices de la croix.. C’est une torture de ne pas respirer cet air, cet air sacré»⁸.

De plus, le désir de Bounine de se distinguer de la nouvelle littérature a provoqué une vague de critiques. Par exemple, Vladislav Khodassevitch ne divisait pas la littérature en croyant qu’elle était «unie dans le temps et dans l’espace». Mark Slonim a écrit à propos de la nouvelle littérature soviétique fêtant son anniversaire de 10 ans: «Il n’existe point de littérature prolétaire. Il n’y a que la

littérature russe»⁹. Dans ce désir de ne pas refuser cette littérature il est à voir la tendance de l’émigration russe de sauvegarder et préserver — au moins au niveau culturel — l’unité nationale, la tradition littéraire.

De plus, l’émigration russe a trop tôt compris les difficultés fondamentales de l’existence et du développement de la littérature dans un milieu linguistique et culturel étranger. Dans son article «Sur la position de la littérature d’immigration» Mark Aldanov a écrit que cette littérature pourrait périr non à cause de son éloignement de la terre paternelle, parce que dans l’histoire de la littérature mondiale il y avait beaucoup d’exemples où les meilleurs livres avaient été écrits par les écrivains-immigrés (Herzen, Tourgueniev). Ensuite le séjour même des écrivains dans un pays étranger porterait non seulement des désavantages mais aussi bien des bénéfices: «Nous choisissons la liberté, et cela peut remédier en large partie à «cette perte des racines»¹⁰. Dans le milieu d’immigrés un lecteur instruit devient de plus en plus rare (nombreuses gens de culture arrêtent de lire étant devenus serveurs, chauffeurs, travailleurs, etc.). Mais Mark Aldanov décrit le succès croissant auprès du public d’un grand nombre de revues et de journaux d’immigration. Selon le jeune écrivain, le vrai mal de l’émigration russe c’est

6 Бунин И.А. Инония и Китеж // Иван Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. С. 362.

7 Там же. С. 369.

8 Авксентьев Н. Patriotica // Литература русского зарубежья: в 6 т. Т. 1. Кн. 1. М.: Книга, 1990. С. 368.

9 Слоним М.Л. Десять лет русской литературы // Литература русского зарубежья: в 6 т. Т. 2. М.: Книга, 1991. С. 520.

8 Avksent'ev Nikolai. Patriotica // Literatura russkogo zarubezh'ia. Antologija v shesti tomakh.

Т. 1. Кн. 1. — М.: «Kniga», 1990. S.368.

9 Slonim M. Desiat' let russkoi literatury // Literatura russkogo zarubezh'ia. Antologija v shesti tomakh. Т. 2. — М.: «Kniga», 1991. S. 520.

10 Aldanov Mark. O polozhenii emigrantskoi literatury // Sovremennye zapiski. Parizh, 1936. № 61.

эмигрантской литературы» Марк Алданов писал о том, что эмигрантская литература может погибнуть не от оторванности от родной почвы, так как истории мировой литературы много примеров, когда лучшие книги написаны именно писателями-эмигрантами (Герцен, Тургенев). Кроме того, помимо минусов пребывания писателей в чужой стране, есть огромный плюс: «Мы выбираем свободу, и это в значительной степени компенсирует «оторванность от родной почвы»¹⁰. В эмигрантской среде действительно редет слой культурного читателя (многие культурные люди, ставшие официантами, шоферами и рабочими, перестают читать), но Марк Алданов указывает на востребованность огромного числа русских эмигрантских газет и журналов. Настоящее зло эмиграции, по мнению молодого писателя, — невозможность писателю жить писательским трудом и необходимость искать основную (с точки зрения финансового обеспечения) работу.

Уже позже, подводя некоторые итоги культуры русского зарубежья 1920 — 1930-х годов, Георгий Адамович в книге «Одиночество и свобода» справедливо утверждал: «<...> поня-

тие творчества в эмиграции искажено не было, духовная энергия на чужой земле не иссякла и когда-нибудь сама собой включится в наше вечное, общее русское дело»¹¹.

И все-таки И.А. Бунину потребовалось много сил, чтобы в чужой стране восстановить духовную энергию, и в 1926 году он возвращается к начатому в 1911-м рассказу «Воды многие» (1911 — 1926). Автор-повествователь, находящийся в морском путешествии и созерцающий Синай и другие святые для христианского мира земли, размышляет о вечном и истинном сквозь призму революционных потрясений в России. «Русский катаклизм 1917 года» (Ж. Нива) осмыслен как очередной «дерзкий пересмотр» человечеством Синайских скрижалей, принципиально невозможный, по мысли Бунина, как раз в силу их вечности и единственной истинности.

В рассказе актуализируется весь спектр символики, содержащейся в Псалтири в образе «Вод многих»: это и подвластная Богу пучина и «бездна бездн» («от века и до скончания времен светоносный океан»¹²), и бездна грехов «сынов человеческих», и «житейский мятеж» как полный потрясений жизненный путь человека и всего человечества¹³.

л'impossibilité pour l'écrivain de vivre de son travail d'écriture et la nécessité de chercher un travail stable du point de vue financier.

Et plus tard, en résumant quelques résultats de la culture de l'étranger russe des années 1920—1930, Gueorgui Adamovitch a confirmé dans son livre «Solitude et Liberté» que «... la notion de la créativité n'a pas été détournée par les émigrants russes, l'énergie spirituelle n'a pas tari sur la terre étrangère, et un jour elle rejoindra notre cause russe commune et éternelle»¹¹.

Mais pour Bounine il était extrêmement difficile de se restaurer et de rétablir cette énergie spirituelle dans un pays étranger, et en 1926 il revient à son récit de 1911 «Sur les eaux immenses» (1911—1926). Le narrateur y réfléchit sur l'éternel et le vrai sous l'angle des bouleversements révolutionnaires en Russie tout en effectuant un voyage maritime et en contemplant le Sinaï et d'autres terres sacrées pour le monde chrétien. «Le cataclysme russe de 1917» (G. Nivat) est perçu ici comme une «insolente remise en question» des Tables de la Loi du Mont Sinaï, rendue impossible par leur éternité même et leur valeur unique universelle, selon Bounine. Dans le récit il est à voir tout le symbolique du Psautier dans l'image des eaux immenses: c'est le

gouffre dépendant de Dieu et l'«abîme des abîmes» («et dès le début du siècle jusqu'à la fin des temps l'océan porteur de lumière»¹²) et l'abîme des péchés des «fils de l'Homme», et une «émeute quotidienne» comme une voie pleine d'ébranlements d'un homme et de toute l'humanité¹³.

Dieu et l'âme humaine tournée à Dieu deviennent le sujet principal du récit «Sur les eaux immenses» où Bounine aurait reproduit le dialogisme du Psautier et introduit ainsi l'image du Chantre des Psaumes reflétée dans l'image du narrateur — penseur, témoin participant aux grands bouleversements historiques, poète. Le narrateur se trouve dans les deux dimensions — historique / concrète et métahistorique: «Et j'étais tout près de Toi, dans cette proximité effrayante et douce, et mon amour envers Toi était éternel, et ma foi en Ton ventre proche et paternel était fort en moi!» (IV, 470) C'est dans cette perspective qu'il faut voir l'épigraphe du récit «Dieu sur les eaux immenses» et la citation exacte du Psaume 76: «Par la mer passait ton chemin, tes sentiers, par les eaux profondes; et nul n'en connaît la trace» (IV, 470). Les deux s'imposent comme un cadre poétique définissant l'intonation et le rythme du texte. Toutes les émotions et les réflexions se joignent dans le récit

10 См.: Алданов М.А. О положении эмигрантской литературы // Современные записки. Париж. 1936. № 61. С. 401–402.

11 Адамович Г.В. Одиночество и свобода: Литературно-критические статьи. СПб.: Logos, 1993. С. 11.

12 Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1988. С. 463. Тексты произведений Бунина цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.

13 Отсюда столь значимы в стихах и прозе Бунина аллегорические образы корабля, матросов и капитана («Господин из Сан-Франциско», «Братья», «Сны Чанга»). Эта символика будет востребована писателем и в одном из самых последних произведений, в котором он подводит жизненные и творческие итоги — рассказе «Бернар» (1952).

11 Adamovich G. Oдиночество i svoboda: Literaturno-kriticheskie stat'i. — SPb.: «Logos», 1993. S. 11.

12 Bunin I.A. Sobr. soch.: V 6 tomakh. M.: «Khudozhestvennaia literatura», 1988. T. 4. S. 463 .

Les textes de Bounine sont cités d'après cette édition.

13 C'est pourquoi sont tellement importantes les images du bateau (vaisseau), des marins et du capitaine dans les poèmes et les récits de Bounine («Le Monsieur de San-Francisco», «Les Frères», «Les rêves de Tchang»). Ces symboles seront toujours actuels pour Bounine dans son dernier récit «Bernard» (1952), bilan de sa vie et son oeuvre.

Бог и устремленная к Нему душа человека становятся главной темой «Вод многих», где Бунин как бы воспроизводит диалогизм Псалтири и проецирует тем самым образ Псалмопевца на образ автора-повествователя — мыслителя, свидетеля и участника исторических потрясений, поэта. Автор-повествователь находится в двух измерениях — конкретно-историческом и метаисторическом: «И я был в страшной и сладкой близости Твоей, и безгранична моя любовь к Тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно Твое!» [4, 470] Отсюда эпиграф к рассказу «Господь над водами многими» и точная цитата из 76 псалма «Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...» [4, 470] в его финале являются поэтическим обрамлением, задающим основную интонацию и стилистику всего текста. Все переживания и размышления в «Водах многих» сливаются в лейтмотив прославления Бога и благодарности Ему за «истинное блаженство» пребывания в райски прекрасном земном мире: «Продли, Боже, сроки мои!» [4, 450], «Как благодарить Бога за все, что дает Он мне, за всю эту радость, новизну!» [4, 457], «Как мне благодарить Тебя?» [4, 470].

На что же в первую очередь была направлена восстановленная духовная и творческая энергия И.А. Бунина

и писателей этой уникальной литературной эпохи? В одном из своих стихотворений покинувшая Россию Марина Цветаева констатировала: «Той России — нету. / — Как и той меня», но она же и провозгласила: «Из сырости и шпал Россию восстанавливаю»¹⁴. «Восстановление России» — таково общее устремление философского, публицистического и собственно художественного творчества русской эмиграции 1920 — 1930-х годов. Вот почему Г.В. Флоровский справедливо считал, что «за рубежом есть и творится Россия»¹⁵.

Писателям старшего поколения русских эмигрантов, воспитанным и прожившим значительную часть жизни в «той России», было дано, конечно, «религиозно чувствовать и постигать»¹⁶ сущность родной земли. Такое «восстановление России» художественно осуществилось в двух самых значительных романах этого периода — романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и романе И.С. Шмелева «Лето Господне». Оба писателя стремились воссоздать русскую жизнь в ее глубинных исторических и национальных основах и формах жизни, сохранить русскость, но главное — почувствовать и показать читателям, оторванным от родной земли, вечную, нетленную сущность России и таким образом помочь им вновь обрести Родину.

et forment un leitmotiv de la glorification de Dieu et le chant de la gratitude pour «une vraie félicité» d'être dans le monde beau comme le paradis terrestre: «Prolonge mon siècle, Dieu!» (IV, 450), «Comment féliciter Dieu pour tout ce qu'Il me donne, pour toute cette joie et nouveauté!» (IV, 457), «Comment puis-je Te remercier?» (IV, 470).

Mais vers quoi cette énergie renouvelée, spirituelle et créatrice, de Bounine et d'autres écrivains de cette époque littéraire unique, était-elle dirigée? Dans un de ses poèmes M. Tsvetaïeva a constaté: «L'ancienne Russie n'existe point / Comme moi l'ancienne», mais c'est toujours elle qui a proclamé: «Je rétablis la Russie d'humidité et de rails»¹⁴. «Rétablissement de la Russie» — telle était l'aspiration commune de l'émigration russe dans son oeuvre philosophique, publiciste et littéraire dans les années 1920-1930. Ainsi G. V. Florovsky affirmait-il que «la Russie existe et se crée à l'étranger»¹⁵. Les écrivains de la génération d'émigrés russes, élevés en «ancienne Russie» et ayant vécu une partie importante de leur vie là-bas, pouvaient bien sûr «religieusement sentir et concevoir»¹⁶ l'essence même du pays natal. Un tel «rétablissement de la Russie» a été entrepris dans la littérature dans deux romans considérables de la période mentionnée: celui de I. A. Bounine «La Vie d'Arseniev» et celui de I. S. Chmeliov

«L' Année du Seigneur». Les deux écrivains tendaient à reconstruire la vie russe sur ses bases historiques, dans ses formes profondément nationales, à garder ce caractère typiquement russe, cette *russtkost'*, mais surtout à faire sentir et montrer aux lecteurs, détachés de la terre natale, l'essence éternelle, impérissable de la Russie et ainsi les aider à retrouver leur Patrie de nouveau.

L'essai de «rétablir la Russie» est entrepris par d'autres écrivains plus jeunes, V. Nabokov, par exemple, ou M. Ossorguine, mais eux, selon une juste définition de A. Kraïny, sont «trop européens» et ne peuvent plus «religieusement sentir et concevoir la Russie». Pourtant nombreux écrivains, y compris V. Nabokov, estimaient Bounine comme leur maître, et les écrivains de la «deuxième émigration» (E. Gagarine, L. Rjevski, V. Samarine) qui ont quitté la Russie au début des années 1930 ont subi une forte influence des méthodes littéraires de Bounine.

Dans son émigration Bounine écrit qu'il sent dans son âme et son sang des racines «poussant dans les profondeurs du sol russe», et l'écrivain crée un des «monuments» foudroyants de la Russie — le roman «La Vie d'Arseniev». G. V. Adamovitch a brillamment noté dans une des premières critiques sur ce roman: «Bounine fait partie des artistes d'une trempe particulière, celle de Tols-

14 Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. С. 312.

15 Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 265.

16 Мейер Г.А. У истоков революции. Париж: Посев, 1971. С. 194.

14 Tsvetaeva M.I. Stikhotvoreniia i poemy. — L.: Sovetskii pisatel', 1990. S. 312

15 Florovskii G.V. Evraziiskii soblazzn // Rossiia mezhdru Evropoi i Aziei: Evraziiskii soblazzn. Antologiiia. — M.: Nauka, 1993. S. 265.

16 Meier Georgii. Otryvok // U istokov revoliutsii. — Parizh: Posev, 1971. S. 251.

Свою попытку «восстановить Россию» предпринимают и более молодые писатели В.В. Набоков и М.А. Осоргин, но они, как и М.А. Алданов, по точному определению Антона Крайнего, «слишком европейцы», уже не способные «религиозно чувствовать и постигать» Россию. При этом именно Бунина многие из них, в частности, В.В. Набоков, считали своим учителем, а писатели «второй эмиграции» (Е.А. Гагарин, Л.Д. Ржевский, В.Ф. Самарин), выехавшие из России в начале 1930-х годов, испытали сильнейшее влияние выработанных Буниным приемов художественности.

В эмиграции Бунин пишет о том, что чувствует в своей душе и крови корни, «ушедшие в русскую почву», и создает один из самых потрясающих «памятников» России — роман «Жизнь Арсеньева». Г.В. Адамович тонко подметил в одном из первых отзывов об этом произведении: «Бунин принадлежит к художникам <...> толстовско-гетевского склада, и нигде, кажется, это не чувствовалось с такой силой, как в “Лице” (5-й книге романа. — О.Б.). История, рассказанная о ней, печальна. Она скорее должна бы настроить на мысль о бренности, шаткости всего земного, чем вызвать спокойствие и радостную бодрость. Но, независимо от фабулы, порой даже вопреки ей, в книге столько восхищения бытием, признательности за него, какой-то неутолимой жадности к нему, что не поддаться ее духу невозможно»¹⁷.

«Жизнь Арсеньева», может быть, самое бунинское произведение. Обая-

ние и художественная значимость его заключаются в изображении того, «как человек приходит в мир и ищет себе в нем место, как миллионы ему подобных», как ощущает себя частью природного мира, исторического и культурного бытия нации, наследником своего «рода-племени». Роман И.А. Бунина о том, как в процессе «общей» жизни входящий в мир человек осознает свою особенность, свою индивидуальность, это роман о первой большой любви, которая, как правило, заканчивается для юного человека более или менее драматично. Это произведение о том, как человеку «прорастает» поэт, художник, который спустя полвека напишет роман о своей юности и мощью творческой памяти воссоздает в зримых и пластичных образах окружающий его мир, бесконечно любимую родину, а значит, в СЛОВЕ спасает «от гроба беспамятства» «вещи и дела».

При существенных различиях в повествовании и стиле в романах двух Иванов (Бунина и Шмелева) много общего: оба писателя показывают национальную укорененность через подробное, детальное изображение, точнее, переживание чисто русских картин природы, быта, устоев жизни: у Бунина — жизнь в дворянской усадьбе, у Шмелева — купеческий быт Замоскворечья. Причем оба автора акцентируют внимание на детском возрасте героев (у Бунина — первая часть романа), подчеркивают восприимчивость и поэтичность детской души, ее способность именно

тої et de Goethe, et nulle part cela ne se sent plus si fortement que dans la «Face» (5ème livre du roman). L'histoire contée dans cette partie est triste. Elle devrait guider la pensée vers la réflexion sur la futilité, l'instabilité de la terre mais pas faire naître chez le lecteur du calme et une vivacité joyeuse. Mais quel que soit le sujet du roman, et même en dépit de ce sujet, il y a tellement de ravissement, de gratitude pour l'Être, d'avidité infatigable de vivre qu'il est impossible de ne pas y céder»¹⁷.

«La Vie d'Arseniev» est peut-être l'oeuvre la plus typique de Bounine. Le charme et l'importance en sont surtout dans la description de la vie d'un homme qui «arrive au monde et y cherche sa place, comme des millions d'autres», d'un homme qui se sent être partie de la nature, de l'existence historique et culturelle d'une nation, se sent l'héritier d'une «race» et d'une «tribu».

Le roman de I. A. Bounine raconte comment dans un processus de la vie commune l'homme entrant au monde commence à réaliser sa singularité, c'est un roman sur le premier grand amour qui tourne généralement plus ou moins mal pour un jeune homme et incarne un drame. Cette oeuvre montre comment dans un homme «pousse» un poète, un artiste, qui écrira dans un demi-siècle un roman sur sa jeunesse et fera renaître, par la puissance de sa mémoire créatrice, dans des images visualisées et plastiques, son monde environnant, sa patrie tellement chérie et adorée, et sauvera dans sa

PAROLE «les choses et les affaires» «de cet oubli mortel».

En laissant de côté les différences essentielles dans la narration et le style les romans des deux Ivan (Ivan Bounine et Ivan Chmeliov) ont beaucoup de commun: les deux écrivains montrent leur authenticité nationale dans la description minutieuse des détails, la perception des paysages russes, de la vie quotidienne, des moeurs: ceux des habitants nobles d'un manoir chez Bounine et ceux des marchands de Zamoskvoretche. En outre les deux écrivains décrivent en détails le jeune âge de leurs héros (chez Bounine il s'agit de la première partie du roman), soulignent la réceptivité et le caractère poétique de l'âme d'enfant, sa capacité de «sentir religieusement et percevoir» le monde environnant et les gens. Les deux écrivains misent sur ce côté spirituel, mettent en relief le processus de la formation spirituelle et religieuse de l'enfant, d'où viennent les descriptions fréquentes des offices divins, des églises, des saints sacrements, les citations des prières.

Les deux écrivains cherchant à être «fidèles à la vie» essaient de construire «la verticale» et de retrouver ce qui unit le temps et l'éternité, qui enracine l'homme dans l'éternité. Les deux oeuvres finissent par la mort des gens les plus proches des héros principaux, mais les deux à la fin font l'éloge de la mémoire, ce fondement nécessaire et unifiant de la vie humaine. La conscience religieuse (chez Chmeliov) et créatrice (chez Bounine) sont

17 Адамович Г.В. Одиночество и свобода. С. 69.

17 Adamovich G. Oдиночество i svoboda: Literaturno-kriticheskie stat'i. — SPb.: «Logos», 1993. S. 69.

«религиозно чувствовать и постигать» окружающий мир и людей. Оба писателя особенно высвечивают процесс духовного, религиозного становления ребенка, отсюда частое изображение Богослужений, храмов, церковных Таинств, цитирование молитв.

У обоих писателей, стремящихся быть «верными жизни», на первом плане выстраивание «вертикали», то есть поиски того, что соединяет время и вечность, что укореняет человека в вечности. Оба произведения заканчиваются смертью самых близких для главных героев людей, но у обоих писателей в финалах романа достаточно открыто провозглашается память как связующее начало. Время и вечность, живых и умерших способны соединить религиозное сознание (у Шмелева) и творческое (у Бунина), поскольку в основании того и другого лежит литургический принцип воспоминания, то есть феноменологически «живое» воспроизведение однажды бывшего и навечно запечатленного в Слове. В произведениях И.А. Бунина и И.С. Шмелева особенно наглядно показано, что «Россия и русское слово (как проявление ее души, ее нравственного строя) есть нечто нераздельное»¹⁸.

Однако существенны и различия: если Шмелев изображает православные, церковные годовые циклы, каждый раз по-новому переживаемые мальчиком Ваней, то для Бунина особенно значимы природные годовые циклы, также каждый раз по-новому переживаемые подрастающим Алешей Арсеньевым. По-разному писатели понимают существо жизни человека: для

героев Шмелева жизнь строится на основе возрастания в человеке любви к Богу и любви к ближнему (отсюда и сакрализация быта), тогда как для юного Арсеньева «жизнь должна быть восхищением». «Шмелев, как и Бунин, весь русский, с головы до пят. Но у Бунина есть, сверх этого, магичность исключительного таланта и сдержанность, собранность; они приближают его к всемирности. Шмелев же остается русским, только русским, со всеми русскими и грехами, и дарами», — точно определяет особенность Бунина в сравнении со Шмелевым Антон Крайний¹⁹. Видимо, именно это послужило основанием для вручения Нобелевской премии И.А. Бунину, а не И.С. Шмелеву, который также назывался в числе номинантов.

Таким образом, русскость в ее нетленной сущности у Шмелева раскрывается через уникальность сознания православного христианина и православный уклад жизни, у Бунина — через уникальность сознания русского православного писателя, а у Б.К. Зайцева (повесть «Преподобный Сергей Радонежский», 1924) — через уникальность жизни и души русского святого и феномен русской святости.

Наиболее результативными оказались поиски сути духовного и сути творческого потенциала в «вечном общем русском деле» — «восстановлении» Родины. В этом отношении литература русского зарубежья 1920 — 1930-х годов — этой особой литературной эпохи — действительно стала культурным и духовным подвигом.

capables d'unir le temps et l'éternité, les morts et les vivants, parce qu'au fond des deux consciences se trouve le principe du souvenir liturgique, à savoir la représentation «vive» phénoménologique de ce qui est advenu et s'est figé dans la Parole. Dans les oeuvres de I. Bounine et de I. Chmeliou il est démontré d'une manière évidente que «la Russie et la parole russe (comme la représentation de son âme, de son état moral) sont quelque chose d'inséparable»¹⁸.

Pourtant les différences sont aussi cruciales: si Chmeliou décrit les cycles d'année religieux orthodoxes, chacun vécu à sa manière par le garçon Vania, pour Bounine se révèlent plus importants les cycles naturels des saisons, aussi différemment vécus par Aliocha Arseniev. Les écrivains comprennent différemment le fond de la vie humaine: les héros de Chmeliou basent leur vie sur l'amour envers Dieu et envers le proche (d'où cette sacralisation de la vie quotidienne) alors que pour le jeune Arseniev «la vie doit être un ravissement». «Chmeliou comme Bounine est tout russe, des oreilles aux pieds. Mais Bounine possède la magie d'un talent absolu et la discrétion, la concentration; ces traits l'approche de l'éternité. Chmeliou

demeure russe, seulement russe, avec ses péchés russes, ses dons russes» — ainsi décrit Anton Kraïny¹⁹ les particularités de Bounine par rapport à Chmeliou. Peut-être que c'est ce côté universel qui a joué le rôle déterminant dans le décernement du Prix Nobel à I. A. Bounine et pas à I. S. Chmeliou qui est apparu quand même dans la liste des nommés.

Ainsi ce côté russe, cette *russtkost'*, dans son essence impérissable, se découvre différemment chez ces écrivains religieux: chez Chmeliou à travers cette conscience unique du chrétien et la vie quotidienne orthodoxe; chez Bounine, à travers la conscience unique d'un écrivain russe orthodoxe; chez B. Zaitsev (dans sa nouvelle «Le vénérable Serge de Radonège», 1924) à travers le caractère unique de la vie et de l'âme du saint russe et à travers le phénomène de la sainteté russe.

Il est à mentionner que se sont révélées les plus productives les recherches du potentiel strictement spirituel et strictement créateur dans cette «éternelle cause commune russe» — celle du «rétablissement» de la Patrie. De ce côté la littérature de l'étranger russe des années 1920—1930 — une époque littéraire unique — est devenue vraiment un exploit spirituel et culturel.

18 Бунин И.А. Инония и Китеж. С. 362.

19 Крайний А. Полет в Европу. С. 369.

18 Bunin I.A. Inoniia i Kitez // Ivan Bunin. Okaiannye dni. Vospominaniia. Stat'i. — M.: «Sovetskii pisatel'», 1990. S. 362.

19 Anton Kraïni. Polet v Evropu // Literatura russkogo zarubezh'ia. Antologiiia v shesti tomakh. — M.: «Kniga», 1990. T. 1. Kn. 2. S. 369.